

ИЗВЕСТИЯ
МОСКВА

15 ДЕНЬ 1967

ДЕСЯТОГО и двенадцатого декабря Святослав Рихтер исполнил в Большом зале Московской консерватории три последние сонаты Бетховена — Тридцатую, Тридцать первую и Тридцать вторую. Эту программу, кроме других, он исполнял только что в двадцати городах — в Италии, Швейцарии, Франции, в Германской Демократической Республике, Чехословакии, вернувшись домой — в Калининграде и Риге, в воскресенье он будет играть в Орле.

Таким образом, эти концерты, ставшие для нас незабываемым праздником, слушали десятки тысяч людей, неизменно переполнявшие концертные залы.

Почти полтора столетия, отделяющие нас от создания этих последних сонат, сжимаются до продолжительности мига истории; это наше сегодня, не наше вчера! Мне кажется, нужно сказать об этом, потому что один современный автор не нашел, например, в Бетховене ничего, кроме «трафаретных мелодий и трафа-

Генрих НЕЙГАУЗ

САМОЕ ВЫСОКОЕ—САМОЕ ДОСТУПНОЕ

ретных гармоний в шаблонном оформлении», а другой высокомерно назвал Шопена «пишущей машинкой». Нет, Шопен и Бетховен живы, в этом мы еще раз убедились на концертах Рихтера (в первом концерте он сыграл на бис этюд и ноктюрн Шопеца).

Рихтера так хорошо знают, что говорить о нем очень сложно. Скажу только, что найти лучшего толкователя этого грандиозного триптиха последних сонат Бетховена (Соч. 109, 110 и 111), по моему, трудно, если не невозможно. А я ведь очень стар, слышал всех знаменитых пианистов, покойных и ныне живущих.

Высота и глубина одинокого, совершенно глухого, великого композитора-мыслителя непосредственно передава-

лась аудитории, все приобщались к его звукам, к его мыслям. Надо заметить, что Рихтер ничего не делает, чтобы хоть немного снять «недоступность» позднего Бетховена, сделать его более доступным, «популяризовать» его, как это делал, например, талантливый пианист Артур Шнабель.

Стремление сделать высокое, редкое, «трудное», требующее от слушателя известных усилий и работы, более «доходчивым», более «понятным», — это стремление, само по себе, может, достойное и ценное, чуждо Рихтеру, ибо оно отличает культуртрегера, а не большого художника.

Рихтер именно художник в самом полном и глубоком смысле этого слова. Он не только многого требует от

слушателя, но много ему доверяет: он верит, что слушатель способен на высокие мысли и чистые чувства и нечего их утаивать от людей, называть другими именами. Мне кажется, что неслыханный успех Рихтера у любой аудитории коренится именно в этом доверии к лучшим сторонам человеческой души, иногда неразличимым невооруженным глазом. Приведу два-три примера.

Много лет тому назад он играл как-то в воскресенье в Колонном зале бетховенскую программу, между прочим, его труднейшие 33 вариации на вальс Дябелли соч. 120. Недалеко от меня сидел милиционер и его приятель. Они пришли во все больший восторг, под конец бешено аплодировали и требовали бисов. Из разговора выяснилось, что они еще

никогда не слушали пианиста и зашли в Колонный зал потому только, что знали: по воскресеньям там бывает «что-то интересное».

Один крупный работник говорил после концерта Рихтера с радостью — «Я думал, что понимаю только хор Пятницкого, а оказывается, — я все понимаю, я очень музыкален!»

Дирижер Курт Зандерлинг, с которым я сидел рядом на последнем концерте Рихтера (сейчас в Москве с успехом проходят концерты Зандерлинга, приехавшего на гастроли из ГДР), говорил, что никогда не видел такого успеха и восторга в Лейпциге, как после бетховенских сонат Рихтера. А какой город еще знает Бетховена так, как Лейпциг!

Все это я говорю лишь потому, что не могу скрыть свою радость по поводу очевидного факта: самое высокое, прекрасное, самое редкое именно и есть самое нужное, самое доступное, самое действенное, самое сильное!

После концертов Рихтера чувствуешь себя очищенным.

Говорить о мастерстве Рихтера, о том, как он умеет играть, здесь, мне кажется, излишним. Это огромная тема, требующая специального труда, глубокого анализа. Одно только скажу: когда Рихтер играет разных авторов, мне всегда кажется, что я слышу не только разные рояли, разные звуки, разные технические приемы, разную «экспрессию» но и разных пианистов. Пианист каждый раз другой! Это не только предел мастерства, но и высшее выражение творческого объективизма, разрешение главной задачи исполнителя: верности автору.